

УДК 303

ПРОГРЕСС КАК ИДЕЯ БЕЗ АБСОЛЮТНОГО СМЫСЛА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В.

© 2008 А.Е. Маховиков*

Рассматривается критика русской религиозной философией конца XIX - начала XX в. идеи прогресса как иного, принципиально отличного от православного религиозного сознания мировоззренческого основания, возникшего благодаря гуманистической традиции западной духовной культуры. Православные философы выделяют противоречия, составляющие сущность данного мировоззрения, и обосновывают вывод, что все они обусловлены стремлением культурной традиции Запада противопоставить трансцендентному Абсолюту относительные имманентные ценности естественного бытия людей. Для православного религиозного сознания это невозможно, так как без Бога не может быть абсолютного смысла в существовании человека.

Интерес к русской религиозно-философской традиции конца XIX - начала XX в. обусловлен сегодня поиском в нашем обществе собственной культурной идентичности в условиях смены духовной парадигмы российской ментальности. Многие мировоззренческие вопросы сегодня пересматриваются в нашем общественном сознании с точки зрения религиозной и прежде всего православной идеологии, которая остается традиционной для нашего общества уже более тысячи лет. Позитивную оценку этому процессу дал и В.В. Путин, который на встрече с религиозными деятелями Московского Патриархата по случаю 90-летия возрождения Патриаршества в Русской Православной Церкви отметил, что «сегодня мы высоко ценим стремление Русской Православной Церкви вернуть в жизнь российского общества те идеалы и ценности, которые в течение многих веков являлись для него духовными ориентирами»¹. Этот процесс смены духовных ориентиров в полной мере относится и к идее прогресса, которая с XIX в. занимает значительное место в общественном сознании России, а с октября 1917 г. по декабрь 1991 г. в своей атеистической трактовке вообще становится основой официальной советской идеологии. Но необходимого и закономерного коммунистического общества нам построить не удалось, и поэтому вновь становится актуальным для нашего мировоззрения вопрос о смысле и ценности человеческого бытия. И здесь нельзя не заметить, что как результат за-

падной гуманистической традиции учение о прогрессе всегда предлагало иные мировоззренческие идеалы и ценности, принципиально отличные от традиционных православно-религиозных. Это хорошо понимали русские религиозные философы конца XIX - начала XX в. Так, например, С.Н. Булгаков подчеркивал, что именно в этой идее «решается роковой, единственный по своему значению вопрос о смысле нашей собственной жизни, о цели бытия»² и значение теории прогресса, по его мнению, «состоит в том, что она призвана заменить для современного человека... метафизику и религию, точнее, она является для него и тем и другим»³.

Прежде всего принципиальное несогласие с идеей прогресса в православном религиозном сознании вызывает положение о том, что человечество способно своими силами без вмешательства трансцендентного решить все задачи, стоящие перед ним. Результатом подобной прогрессивной деятельности людей является построение такого общества, в котором «будет достигнуто высшее совершенное состояние, и в этом высшем совершенном состоянии будут примирены все противоречия, которыми полны судьбы человеческой истории, будут разрешены все задачи»⁴. Человечество в соответствии с теорией прогресса, по существу, приобретает характеристики самого Абсолюта и становится в перспективе бессмертным и вечным, способным к бесконечному развитию и совершенствованию. Подобное понимание имманентности цели и смысла чело-

* Маховиков Александр Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент, директор Шенталинского филиала Самарского государственного экономического университета.

веческого существования отрицает необходимость вмешательства сверхъестественного, и поэтому высший абсолютный смысл жизни “нужно найти в мире опытного, чувственно-осознательного бытия”⁵. Но это недопустимо с точки зрения православного религиозного сознания, так как предполагает “наступление абсолютного состояния человеческой жизни в относительных условиях земной и временной исторической жизни”⁶. Кроме того, для православного мировоззрения совершенно невозможно утверждение, что “есть смысл и есть Бог, когда окружающий мир дает столь неотразимое доказательство своего бессмыслия и безбожия”⁷. Человек в своем естественном бытии всегда будет оставаться ограниченным, смертным и не абсолютно совершенным существом. И в данной связи С.Н. Булгаков выделяет с его точки зрения явные противоречия теории прогресса, когда, с одной стороны, человек смертен, а с другой - человечество бессмертно; человек ограничен, а человечество обладает способностью к бесконечному развитию. Он считает, что человечество само по себе нельзя рассматривать как новое качество по сравнению с конкретным человеком. Это лишь определенное количество людей, т.е. “повторение на неопределенном пространстве и времени и неопределенное количество раз нас самих со всей нашей слабостью и ограниченностью”⁸. Поэтому если жизнь конкретного индивида имеет абсолютный смысл, то его имеет и все человечество, но “если жизнь каждого человека, отдельно взятая, является бессмыслицей, абсолютной случайностью, то так же бессмысленны и судьбы человечества”⁹.

Вызывает сомнение у православных религиозных философов и способность человечества к бесконечному развитию, так как без четко обозначенной для каждого человека абсолютной цели, выходящей за пределы чувственно-осознательной реальности, эта бесконечность превращается для него в мнимую, кажущуюся и неопределенную. Понимание такой бесконечности в теории прогресса всегда основано на том, что “развитию человечества во времени, при данном, по крайней мере, состоянии знаний, не может быть указано конца, а вовсе не на том, что его и не может быть по самому поня-

тию”¹⁰. Подтверждением этого является и невозможность бесконечного развития с точки зрения достигнутых прогрессом на каждой исторической ступени развития человечества объективных результатов, так как “эти объективные завоевания всего человечества в целом для каждого данного момента или для каждого поколения составляют лишь отправной пункт, от которого нужно двигаться вперед, ибо данный уровень культуры достается ему не как завоевание, плод борьбы и устремлений, а как готовый результат”¹¹. Поэтому идея прогресса, с точки зрения православных философов, теряет свой позитивный смысл ожидаемого для всего человечества глобального результата, который бы завершил исторический процесс. Наоборот, цель прогресса становится практически недостижимой, бесконечной во времени, и “единственными реальными носителями этого движения являются люди (а не человечество), которые так же неспособны удовлетвориться, и принять за абсолютное свое относительное существование, как и мы теперь”¹². С такой позиции представление о человечестве как Абсолюте превращается в иллюзию.

Не менее иллюзорным представляется в русской религиозно-философской традиции и так называемый “эвдемонизм” идеи прогресса, согласно которому его целью является “возможно больший рост счастья возможно большего числа людей”¹³. И связано это с невозможностью, по мнению религиозных философов, определить какую-либо общую для всех людей единицу измерения радости или горя, удовольствия или неудовольствия. Кроме того, с возникновением новых источников удовольствия обязательно возникают и новые источники страдания для людей, поэтому достижение всеобщего счастья “есть невозможное предприятие, ибо цель эта совершенно неуловима и неопределима”¹⁴. Н.А. Бердяев подчеркивает, что “в истории нет прогресса счастья человеческого - есть лишь трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия... как божественных, так и дьявольских...”¹⁵. Это вполне согласуется с пониманием православной традицией счастья, которое само по себе вообще не является онтологической категорией, оно есть лишь “*попутный и не-*

преднамеренный результат нравственной деятельности, служения добру”¹⁶. Счастье же как непрерывный рост удовольствия и соответственно уменьшения страданий в жизни человека абсолютно не тождественно православно-религиозно-этической категории добра. Подобное счастье понимается как безнравственное и не учитывает возвышающего значения страдания, символом которого является христианский крест. Для православного человека нравственная жизнь “без борьбы и страданий невозможна”, а высшим проявлением добродетели в страдании всегда остается сострадание к другим людям. Более того, не всякое страдание в жизни можно еще отнести к нравственному, но только то, которое духовно возвышает человека, а не является следствием греха. Поэтому имеет смысл преодолевать лишь те страдания, которые препятствуют духовному развитию личности и в этом случае добро в нравственном смысле должно оцениваться выше любого страдания как конкретного индивида, так и всего человечества. И в этой связи “борьба с человеческим страданием теряет характер основной нравственной цели, а получает значение подчиненной”¹⁷.

Лишена абсолютного смысла для православной религиозной традиции и идея экономического развития общества, обуславливающая возможность все большего удовлетворения растущих материальных потребностей людей. И хотя не отрицается, что экономическая составляющая остается неотъемлемой и важной частью человеческой истории, но позитивное значение она приобретает только тогда, когда становится в подчиненное положение религиозно-этическим ценностям, т.е. “рост материальных потребностей и их удовлетворения является истинно прогрессивным лишь постольку, поскольку он освобождает дух, одухотворяет человека, а не постольку он, усиливая область чувственности, содействует понижению духовной жизни”¹⁸. В противном случае благополучная материальная жизнь человека ведет к “грубому житейскому материализму”, и поэтому “чем больше человек удовлетворен здешним, тем меньше он ощущает стремление к запредельному”¹⁹. “Комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей, смертной красоты” - это совокупность тех

элементов, которые, по мнению Е.Н. Трубецкого, усыпляют и парализуют духовные силы и обуславливают создание иллюзии иного смысла человеческого существования. Поэтому в человеке всегда должна доминировать “глубокая скорбь о злой бессмысленности мира и боль разрыва с тем призрачным наполнением жизни, которое приводит ее не к смыслу, а к нескончаемой суете”²⁰.

Не имеют абсолютного смысла, с точки зрения православной религиозно-философской традиции, и такие составляющие положения идеи прогресса, как “усовершенствование человечества” и “свободное развитие личности”. Абсолютного совершенства человечество в своем эмпирическом относительном существовании никогда достигнуть не сможет. Это лишь идеал, движение к которому является бесконечным, но ни одна из его стадий не может быть принята за окончательную и абсолютную. Получается, что этот идеал “с одной стороны, не вменяется в рамки относительного опыта, другими словами, он абсолютен, а с другой стороны, этот абсолютный идеал, развитие и осуществление которого не вменяется в опыт, очевидно, может быть только внеопытного или сверхопытного происхождения”²¹. Н.А. Бердяев подчеркивает, что в истории нет прогресса совершенства, “в силу которого грядущее поколение стоит выше поколения предшествующего”²². В противном случае все поколения людей мы должны рассматривать как не имеющие ценности и цели в себе, т.е. “человечество восходит на какую-то неведомую и чуждую мне вершину, идет вперед, идет вверх, к высшему состоянию, по отношению к которому все предшествующие поколения являются лишь звеньями, лишь средством, орудием, а не самоцелью”²³. Более определенно по этому поводу выражается С.Н. Булгаков: «...одни поколения должны страдать, чтобы другие были счастливы, должны своими страданиями “унавозить будущую гармонию”»²⁴. Православная религиозная традиция утверждает, что “каждое поколение имеет цель в самом себе, несет оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах... а не в том, что оно является средством и орудием для поколений грядущих”²⁵. Иде-

ал, принимаемый за цель прогрессивного развития общества в этих условиях выходит за рамки относительной исторической действительности и приобретает именно характер абсолютного религиозного смысла.

Подобное противоречие выделяется и в “последней и самой возвышенной формуле прогресса”, а именно в создании условий для свободного развития личности. Идеал свободного развития личности для православного сознания имеет нравственное значение и раскрывается в создании условий автономной нравственной жизни. Эта этическая максима православной традиции, по словам Булгакова, “ставит выше всякого сомнения законность и обязательность современных стремлений к политической и экономической демократии, дает им этическую санкцию, поднимает поэтому от простой борьбы за существование на степень исполнения нравственного закона”²⁶. Для человека автономность нравственной позиции имеет решающее значение в отличие от конкретных социальных условий, в которых живет человек. Идея же прогресса, и особенно в ее атеистическом варианте, вообще формулирует понятие личности как совокупности общественных отношений, поэтому изменения ее происходят не в соответствии со свободной волей, а в соответствии с изменяющимися общественными отношениями. Получается, что личность в данном случае “является не носителем абсолютных задач, наделенною определенной нравственной природой и способностями, а всецело продуктом исторического развития, изменяющимся с последним”²⁷. Таким образом, идея прогресса, основанная на причинно-следственных связях и отношениях, допускает, что “будущее, наступающее с естественной необходимостью и подлежащее закону причинности, является вместе с тем и идеалом деятельности”²⁸, т.е. свобода воли, по существу, становится тождественна необходимости. Такое сочетание свободы воли и детерминизма невозможно в рамках абсолютной цели развития человека.

Очевидно, что существование неустранимых противоречий в теории прогресса обусловлено, по мнению православных религиозных философов, тем, что без Абсолюта абсолютного смысла просто не может суще-

ствовать. Последний должен выходить за рамки относительного человеческого опыта, и поэтому он не имеет своего обоснования в эмпирической действительности бытия человека, т.е. “внутри истории невозможно наступление какого-либо абсолютного совершенного состояния”²⁹. И если мы посмотрим на весь предшествующий исторический процесс, то “нельзя не придти к самым пессимистическим, безнадежным результатам”, - считает Н.А. Бердяев, так как “не удался ни один замысел, поставленный внутри исторического процесса”³⁰. Не удалось, например, реализовать основные задачи, которые ставил перед собой Ренессанс, не удалась и Реформация, “поставившая себе великую цель утверждения религиозной свободы и приведшую к крушению религии”, потерпели поражение идеалы Великой французской революции, создавшей вместо свободы, равенства и братства буржуазное общество XIX в. И совершенно справедливым, даже пророческим, было замечание в этой связи религиозных философов о невозможности реализации в России идеалов социализма в XX в. Интересно отметить, что это положение в полной мере относится ими и к истории самого христианства, которое в рамках относительного бытия человека “также есть сплошная великая неудача”³¹. Так, например, Н.А. Бердяев замечает, что “те задания, которые поставлены христианской верой, христианским сознанием, никогда на протяжении 2000 лет не были осуществлены и никогда в пределах этого нашего времени и в пределах этой истории не будут осуществлены...”³². Но неудача христианства означает лишь “неизбежную неудачу всякого относительного мира, всякого относительного разорванного времени, неудачу ограниченной земной действительности”³³. И реализация цели и смысла человеческой истории возможна только при условии преодоления ее имманентности и перехода в область трансцендентного. Именно здесь “за миром явлений есть область истинного бытия, мир идеальный, царство абсолютной Истины, Добра и Красоты; в стремлении к нему и состоит жизнь духа”³⁴.

Таким образом, соотношение абсолютного и относительного составляет сущность действительного исторического существования человека, и здесь, несомненно, относи-

тельное, т.е. реальная действительная земная жизнь людей, должно занимать второстепенное, подчиненное по отношению к абсолютному положение. Кроме того, мы должны признать, что движение к абсолютному происходит через решение относительных исторических задач, но все они имеют значение “служебного средства для целей абсолюта”. Смысл человеческой истории заключается в ее преодолении и только “при перенесении центра тяжести человеческой жизни в иной мир можно творить красоту в этом мире”³⁵. Но все творчество человека в его действительной жизни ограничивается лишь символической природой и только его “символическое осуществление возможно здесь, в этой земной действительности, как знак высшей действительности”³⁶. В этой связи Н.А. Бердяев настоятельно подчеркивал, что “история только в том случае имеет положительный смысл, если она кончится”³⁷, но если бы она “была бесконечным процессом, плохой бесконечностью”, то она вообще не имела бы смысла, так как абсолютное никогда не может быть реализовано в рамках относительной человеческой истории. Бердяев еще и еще раз повторяет: “Судьба человека, которая лежит в основе истории, предполагает сверхисторическую цель, сверхисторический процесс, сверхисторическое разрешение судьбы истории в ином, вечном времени”³⁸. Достижение этой цели вполне осуществимо на основе религиозной апокалиптики. Христианский апокалипсис определяется здесь как “прикровенное откровение о все разрешающем конце истории”³⁹.

В отличие от религиозного мировоззрения в идее прогресса нет своего Апокалипсиса, но значит ли это, что и задачи, поставленные данной идеей, носят иллюзорный характер и она полностью лишена смысла? Совсем нет, наоборот, утверждают православные религиозные философы. Так, например, С.Н. Булгаков убежден, что основные положения теории прогресса о нравственной свободе человеческой личности как условия автономной нравственной жизни, об абсолютной ценности личности и идеальной природе человеческой души, которая способна к бесконечному развитию и совершенствованию, об абсолютном разуме, управляющем миром и историей, и, наконец, о нравственности как

цели человеческого существования, имеющей не только субъективное, но и объективное происхождение, приобретают самое позитивное значение для мировоззрения человека. Но своим появлением все эти положения обязаны религиозной вере с ее эсхатологизмом и провиденциализмом. Более того, данные положения, считает Булгаков, “в своей совокупности входят как неустраняемая часть в философию теизма, именно христианского теизма” и могут основываться только на вере, которая “делает несомненным то, что является сомнительным... только она холодное теоретическое знание согревает жаром сердца и делает основой поведения”⁴⁰. Получается, что “позитивно-атеистическая теория прогресса роковым образом основывается только на вере, хотя и прикрывается наукообразным облачением”⁴¹. Н.А. Бердяев прямо называет эту идею религией прогресса, которая, отказавшись от своей религиозной формы, попыталась сделать своим основанием положение, согласно которому “человек может разрешить свою судьбу имманентными человеческими силами и не нуждается в божественных силах и в божественных целях жизни”⁴². Подобная гуманистическая трактовка понимания человека и смысла его существования, конечно, обусловлена его желанием самоутверждения и самодовольствия и внешне более оптимистична. Но вся история, наполненная трагической человеческой судьбой, должна убедить нас в том, что относительный пессимизм традиционного православия более предпочтителен, так как “разрывает с иллюзиями, связанными с обоготворением будущего, низвергает идею прогресса, но укрепляет надежду и упование на разрешение всей муки истории в перспективе вечности, в перспективе вечной действительности”⁴³. С точки зрения православной религиозной традиции, это более предпочтительно и более нравственно для мировоззрения человека, чем “безотрадное и смертоносное для всего живого оптимистическое учение о прогрессе”⁴⁴, и составляет, по определению православной религиозно-философской традиции, подлинный, абсолютный смысл человеческого существования.

¹ Цит. по: К 90-летию восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви // Журн. Московской Патриархии. 2007. № 12. С. 16.

- ² Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 54.
- ³ Там же.
- ⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 146.
- ⁵ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 62.
- ⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 149.
- ⁷ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М., 1994. С. 191.
- ⁸ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 64.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 65.
- ¹¹ Там же. С. 67.
- ¹² Там же. С. 65.
- ¹³ Там же. С. 66.
- ¹⁴ Там же. С. 67.
- ¹⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 150.
- ¹⁶ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 69.
- ¹⁹ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 62.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 70-71.
- ²² Бердяев Н.А. Указ. соч. С.150.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 69.
- ²⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 151.
- ²⁶ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 72.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 72-73.
- ²⁹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 154.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 156.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 157.
- ³⁴ Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена / Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 129.
- ³⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 157.
- ³⁶ Там же. С. 158.
- ³⁷ Там же. С. 160.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 159.
- ⁴⁰ Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 84.
- ⁴¹ Там же. С. 81.
- ⁴² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 153.
- ⁴³ Там же. С. 161.
- ⁴⁴ Там же.